

# Калиопа

## I

«Где твой разум, парень бравый?  
Все глядишь, глядишь куда-то...  
Видно, тут вмешался дьявол!  
Проморгали мы, ребята...

Что ты делаешь там — плуг ли  
или в нос кольцо? Кому же?  
Дотлевают в горне угли,  
ты же все глядишь наружу...»

Поднял парень чернобровый  
над металлом раскаленным  
тяжкий молот двухпудовый,  
опустил его со звоном.

Стуки-звоны, звуки-токи, —  
наковальня оживает  
и мехи надули щеки,  
дышат, пышут, подпевают.

Словно звездочки над бездной  
вьются искры в дыме черном  
над болванкою железной;  
пламя вспыхнуло над горном.

«Эй, кузнец!..»  
— Жжик! Стуки-звоны... —  
Пусть старик бранится строгий  
парень, как замороженный  
все не сводит глаз с дороги!...

Глянь-ка живо, что за диво...  
Кали-Кали-Калиопа! —  
Дразнит молот, бьет визгливо:  
«Он ты, парень-недотепа!»

— Глянь, там глушь, мрак!  
— Боже правый! —  
Медлит зорька золотая...  
Бьет болванку парень бравый

молот с грохотом роняя.

Не на небе солнце всходит  
для юнака молодого, —  
он с окошка глаз не сводит,  
там он солнца ждет другого.

## II

За лесами, за горами,  
далеко-далёко,  
злой кудесник, тьмы ровесник,  
жил в доме высоком.

С ним в светлице молодица  
заперта, как птица,  
год за годом ждет свободы,  
чахнет и томится.

Злой кудесник, тьмы ровесник  
ее охраняет, —  
даже солнце из оконца  
к ней не проникает.

Но лишь ночью тучи в клочья  
месяц разрывает,  
из светелки на метелке  
дьявол улетает.

Где-то ходит, где-то бродит  
чащами лесными  
и пирует и толкует  
с совами слепыми.

А сиротка, свет-красотка,  
у окна садится,  
чтоб луною, чтоб ночью  
мглою насладиться.

Тут к ней птичка-невеличка  
сразу подлетает,  
белолицу молодицу  
песней утешает.

\*\*\*

Злой деляга, старый скряга,  
ростовщик богатый,  
дань взимая, в нашем крае  
выстроил палаты.

С давних пор он, старый ворон,  
посадил в светлицу,  
как сиротку, за решетку,  
Калиопу-птицу.

Злой деляга, старый скряга  
пленницу, как диво,  
от прохожих, от пригожих  
бережет ревниво.

Но лишь утром перламутром  
неба край зажжется,  
злой мошенник с кучей денег  
на базар плетется.

Там он бродит, все обходит,  
благо день погожий,  
у крестьянок спозаранок  
покупает кожи.

А красotka за решеткой  
рада солнца блеску,  
замирает, поднимает  
робко занавеску.

Здесь он, рядом... Жарким взглядом  
ловит взгляд желанный,  
парень стройный, беспокойный,  
молодец румяный.

### **III**

Калиопу-белоличку,  
в клетку пойманную птичку,  
чернобровый, не люби:  
свою младость,  
свою радость

не губи!

Не для чужа-чуженина  
зреет ягодка-малина.  
Страсть несчастную смири!  
Слышишь, малый!  
Разум шалый  
собери!

Старый муж не проморгает,  
за малиной наблюдает,  
чернобровый, так и знай:  
будь разумней,  
жар безумный  
обуздай!

\*\*\*

Не играй с огнем, не балуй,  
а не то сгоришь, пожалуй,  
чернобровая, не тронь!  
Не шути-ка —  
пламя дико,  
жжет огонь!

Дьявол в том огне как дома,  
не боится искр и грома.  
В черном дыме тайно скрыт,  
дьявол черный,  
злой, проворный  
вечно бдит.

Сердце парня, словно печка,  
загорится от словечка,  
страсть огнем пылает в ней.  
Чтоб погасла,  
в печку масла  
ты не лей!...

#### **IV**

Разве в страсти разум может  
молодым помочь сердцам?  
Ах, зачем ты крылья, Боже,

дал беспечным мотылькам?

Мотылек везде летает,  
для него преграды нет —  
он целует и ласкает  
каждый новый вешний цвет.

Каждый шаг влюбленных труден,  
жар любви сжигает кровь...  
На беду себе и людям,  
Боже, создал ты любовь!

Разве в страсти разум может  
молодым помочь сердцам?  
Ах, зачем ты крылья, Боже,  
дал беспечным мотылькам?

## V

Мчит, шумит ручей бурливый,  
пена белая, как снег;  
и глядит тростник пугливый  
на его безумный бег.

Заслоняют берег правый  
ветви ивы молодой,  
а на левом плющ кудрявый  
низко виснет над водой.

Днем и ночью плющ годами  
тянет к деревцу уста,  
хочет тонкими стеблями  
дотянуться до листа.

Истомившись от разлуки,  
гнется ива над водой;  
то протягивает руки,  
то на плющ глядит с тоской.

Но с волною озорною  
трудно иве совладать,  
ни зимою, ни весною  
иву другу не обнять.

## VI

Чернобровый поднял молот  
двухпудовый  
и, вздыхая, опускает,  
тихо песню напевает:

«Как мила ты, моя любя,  
как нежна ты.  
Кто, скажи, тебя ласкает,  
стан твой — стебель — обнимает?

Как прекрасны твои косы,  
очи ясны.  
Две звезды открыли очи —  
чей ты свет средь темной ночи?

Два бутона — твои щеки,  
два пиона,  
губы — вишни, шея — сладость,  
и кому такая радость?

Луч несмелый не касался  
груди белой...  
Кто же грудь твою ласкает  
и, счастливый, засыпает?»

\*\*\*

Шьет бедняжка за решеткой,  
словно пташка,  
занавеску поднимает,  
тихо песню напевает:

«Мой желанный, мой красавец  
ненаглядный,  
будь мне другом, будь мне братом,  
не сжигай мне сердце взглядом!

Взгляд твой сушит мое сердце,  
мою душу...  
В летний зной лоза томится,  
ей росой бы освежиться...

Ей, бедняге, милый сокол,  
надо влаги!  
А тогда пусть солнце греет  
и лоза зазеленеет.

Ласки жду я, молодая,  
поцелуя;  
для молодки поцелуи —  
что лозе речные струи...»

## **VII**

Так два сердца жарко любят,  
встречи ждут за годом год...  
Или время зря загубят,  
или счастье Бог пошлет?

### **Буйные головушки**

Льнет ко мне она поближе,  
без нее я дня не вижу;  
матери плету я враки,  
а она — отцу-гуляке.

Где ни сядет, где ни встанет  
мать мне ту же песню тянет:  
«Ах, пригожа, белолика,  
слышь, соседкина Велика!

Глянь ты только! Деловита.  
Все толкуют, домовита...  
Честь семьи сберечь сумеет,  
старость матери пригреет!»

Вот уж глупость! Право, горе!  
Все же мать — молчу, не спорю,  
не даю я сердцу воли, —  
рвется бедное от боли.

Росин батька все пирует,  
рюмки сладко он целует,  
водку льет вину вдогонку  
и корит-бранит девчонку:

«Дочь, забыть тебе придется  
хороводы у колодца;  
положу конец я танцам —  
хватит знаться с оборванцем!

Слушай! Станчо одобряю,  
вас со Станчо обручаю;  
кум уж молвил мне словечко,  
я— ему... готовь колечко!»

Слышит девушка всяк вечер  
трижды проклятые речи  
и клянет судьбину тоже.  
Горько нам обоим, Боже!

Льнет ко мне она поближе,  
без нее я дня не вижу;  
матери плету я враки,  
а она — отцу-гуляке.

А лишь тьма обнимет землю,  
в небесах сам Бог задремлет —  
за кушак кинжал заткну я  
и — к Росице, в темь ночную...

Терн колючий не преграда,  
пусть и в пять рядов ограда,  
пусть на страже псы и люди, —  
гоп — за тыном парень будет...

Там в садочке ждет Росица,  
робкая, как голубица,  
ждет, бледна под темной кроной,  
мне плетет венок зеленый.

Сердцу ль спрашивать совета?  
Своевольна птичка эта:  
где вольно ему, летает,  
напевает, что желает.

## **Павлета удалой и Аглика молодая**

Не сойдя с гнедого, путник запоздалый  
застучал в ворота, скорый да удалый.



Стукнет раз, а дважды будит громким  
криком:  
«Эй, проснись, открой мне, слышишь ли,  
Аглика!

«Кто стучит?» — «Павлета, прямо  
из Царыграда  
прискакал с приветом. Или ты не рада?»

Видно, над юнаком сатана смеется :  
голос незнакомый и дрожит, и рвется.

«Грешники с кладбища, упыри ночные  
рыщут в эту пору да бродяги злые.

Лучше убирайся ко двору другому,  
а не то я кликну деверей из дому».

Гневом и обидой взор орлиный блещет,  
глух дрожащий голос, грудь в огне трепещет.

«Двери поцелую — их охватить пламень,  
или у любимой не душа, а камень?»

Грудь готова лопнуть - так в ней сердце  
бьется,  
незнакомый голос и дрожит, и рвется.

Шепотом Аглика, словно в жажде лютой,  
молвит из-за двери: «Не лукавь, не путай.

Лги, да знай же меру! Если ты — Павлета,  
а не лжец несчастный, чем докажешь это?»

«Пять годов бродил я... В стороне далекой  
мне всегда светили два небесных ока».

«Очи? Да в селе их каждый встречный  
знает!  
А вот что Павлете одному сияет?»

«Лик твой — как подснежник  
бело-золотистый,

стан — как тополь стройный средь равнины  
чистой».

«Что ж, и это многих хлопцев сна лишало,  
сколько их порог мой даром обивало».

«А пятно над грудью — бархатной луною?...  
И венец над нею, он оставлен мною,

помнишь, первой ночью... С той поры  
недаром  
на устах Павлеты шрам, как от удара».

Дверь открылась настежь... И на грудь  
юнака  
бросилась Аглика, не пугаясь мрака.

## Град

«Один, а там второй и третий —  
года невзгод... Наверно, Бог  
нам посылает лихолетья,  
за грех какой-нибудь карая.  
Кто б только мог  
поведать — страшная какая  
беда приходит в каждый двор.  
Когда б чума была и мор,  
в гробу — ни голода, ни жажды.

Но помнит каждый,  
как это было... Ливень, град...  
Земля обсохнуть не успела —  
мороз ударил, следом зной, —  
зерно в земле перегорело».

Зима минула со снегами,  
весна с шумливыми дождями,  
и позолотою своей  
покрыло лето ширь полей.  
Под знойным солнцем зреет нива,  
и колос клонится, налит.  
С надеждой радостной, счастливой,  
крестьянин на него глядит.  
С улыбкой смотрит он вперед:

хлеба — для сердца утешенье!

И он, со вздохом облегченья  
рукой в мозолях крест кладет:  
«Кабы неделю было тихо,  
вот так же солнышко пекло,  
мы б одолели наше лихо,  
нам не было б так тяжело».  
И день-деньской  
крестьянин в поле. Он-то знает,  
что отдых не теперь — зимой;  
трудясь, ночей недосыпает...  
Еще петух не голосил,  
собачьего не слышно лая, —  
все на ногах... «А ты купил  
веревок, дегтя?..» — сна не зная,  
тревожится жена; забота  
большая на сердце одна:  
пред жатвой не забыть чего-то...  
В дом со двора бежит она  
и в кладовой  
поспешно шарит... «Женка, стой! —  
муж окликает, негодуя. —  
Да успокойся... Все найду я!  
Эй, Ване, хватит спать, лентяй!  
Заря взошла, уже светает.  
Пора скотину гнать. Вставай!»  
А сонный Ване лишь зевает.  
Но тут бычок, покинув хлев,  
при свете утреннем белесом  
парнишку сверху оглядев,  
ему уткнулся в шею носом.  
«Вставай! — из глубины двора  
кричит ему отец. — Пора!»  
Он гвоздь в телегу забивает,  
проверил ось, запряг вола.  
И где-то брань уже пошла,  
и всюду гомон нарастает.  
Вблизи кузнечный молот бьет,  
и наковальни сталь поет,  
и веет ветерок рассвета,  
и слышится далеко где-то  
звон колокольчиков. Прошло  
большое стадо. Дня начало.

И в ясном небе солнце встало,  
и шлют лучи земле тепло.

Уж полдень. Зной невыносимый,  
и каждый жнец, жарой томимый,  
стирая пот с лица рукой,  
подолгу ввысь глядит с тоской.  
А небо сизой мглой повито,  
желтеет солнце и сердито  
глядит на грозовую тьму,  
на тучу, что ползет к нему...  
Все кверху головы... Ведь где-то  
пропел петух... Еще примет —  
гогочут гуси у реки,  
Крылами машут гусаки...  
С чего бы, глупые, кричали?  
Они ли сеяли, пахали?

Уйди обратно, туча злая,  
повремени! Одна, другая  
неделя бы прошла — потом  
и ливень будет нипочем.  
А туча лезет грозовая,  
собою небо закрывая,  
зловещая — пощады нет!  
Беда все ближе!.. Меркнет свет,  
и небо низко нависает,  
и сердце в страхе замирает:  
кружится вихрь, и пыль кругом,  
и, небо распоров клинком,  
сверкнула молния кривая,  
и — снова... снова... Гром шальной!  
Он грянул, землю потрясая.  
И хлынул град — величиной  
с орех, с яйцо... О, боже правый,  
тебе недорог труд кровавый!

Гроза промчалась. Гром умолк  
с последним грозовым раскатом.  
Вихрь гонит тучи, словно волк,  
что устремляется за стадом.  
И снова будто рассвело.  
И люди скорбной чередой  
бредут дорогой полевою:

ребята, старцы — все село.  
Их лица мертвенно-бледны.  
Они идут туда, босые,  
где, вечным злом поражены,  
теперь лежат поля пустые.  
Гроза свирепая прошла.  
Скосила разом эта жница  
все: просо, рожь, ячмень, пшеницу  
и цвет людских надежд — дотла...

## **Армяне**

Изгнанники, жалкий обломок ничтожный  
народа, который все муки постиг,  
и дети отчизны, рабыни тревожной,  
чей жертвенный подвиг безмерно велик, —  
в краю, им чужом, от родного далеко,  
в лачуге, худые и бледные, пьют,  
а сердце у каждого ноет жестоко;  
поют они хором, сквозь слезы поют.

И пьют они, чтобы забыть в опьяненье  
о прошлом, о том, что их ждет впереди, —  
вино им дает хоть на время забвенье,  
и боль утихает в разбитой груди.  
Шумит в голове, все покрылось туманом,  
исчезнул отчизны страдальческий лик;  
к ее сыновьям, в омрачении пьяном,  
уже не доходит о помощи крик.

Как зверем голодным гонимое стадо,  
рассеялись всюду в краю, им чужом, —  
тиран-кровопийца, разя без пощады,  
им всем угрожает кровавым мечом.  
Родимый их край превратился в пустыню,  
сожжен и разрушен отеческий кров,  
и, беженцы, бродят они по чужбине, —  
один лишь кабак приютить их готов!

Поют они... Льется их буйная песня,  
как будто бы кровью исходят сердца,  
и давит их ярость, им душно и тесно,  
в душе у них — горе и гнев без конца.  
Сердца угнетенных наполнены гневом,

в огне их рассудок, а взоры в слезах,  
и льется их песня широким напевом,  
и молнии мести сверкают в глазах.

И зимняя буря, их пению вторя,  
бушует, и воет, и дико ревет,  
и вихрем бунтарскую песню в просторе  
далеко по белому свету несет.  
Зловещее небо насупилось мгlistей,  
и все холоднее студеной ночь,  
и песня все пламенней, все голосистей.  
И буря ревет, голосит во всю мочь...

И пьют... и поют... То обломок ничтожный  
народа, который все муки постиг;  
то дети отчизны, рабыни тревожной,  
чей жертвенный подвиг безмерно велик.  
Босые и рваные, в тяжелой разлуке  
с отчизной далекой, вино они пьют,  
стремясь позабыть все несчастья и муки, —  
поют они хором, сквозь слезы поют!

## **Изгнанники**

Вечерней алою зарею  
морская ширь озарена;  
стихийной утомясь игрою,  
смирилась буйная волна...  
И легкий ветер неустанно  
бег ускоряет корабля,  
и прячешься в дали туманной  
Ты, милая земля.

И, возвещая путь обратный,  
едва ль пробьет желанный час:  
весь мир — прекрасный,  
необъятный  
отныне станет сном для нас.  
Дунай, и Вардар, и Марица,  
и гор Балканских вечный снег  
нам до гробницы будут сниться,  
их не забыть вовек.

За то, что мы боролись с гнетом,

предатель предал нас врагам;  
за то, что вместе шли с народом,  
враг приговор свой вынес нам...

А мы могли б, отчизна наша,  
служить тебе, как деды встарь,  
и в бой идти — нет доли краше! —  
за твой святой алтарь.

Увы, корабль несется скоро,  
все дальше нас уносит прочь  
от мест родных... Уж над простором  
свое крыло простерла ночь.

Уж что-нибудь увидеть трудно, —  
темнеет синий небосклон,  
и предстает виденьем смутным  
прославленный Афон.

Сквозь слезы мы на берег дальний  
глядим с тоской в последний раз,  
мы обращаем взор печальный  
на край родной — в последний раз.  
И руки тянутся в оковах  
к тебе, исчезнувший наш рай...  
Безмерна скорбь в сердцах суровых,  
прощай, родимый край!

## **Гайдуцкие песни**

### **I**

День я днюю по местам укротным,  
ночь ночую по дорогам темным.  
Нету батьки, нету мамки, —  
батьки, чтоб наставить,  
мамки — в путь отправить...  
Гой вы, горы,  
ты, Пирин-планина!  
Гой вы, черны  
цареградски вина!

С кем враждую - меру дам за меру  
с кем дружу я - веру дам за веру.

Нету ни сестры, ни брата, —  
брата — чтоб гордиться,  
сестры — чтоб проститься...  
Гой ты, сабля  
вострая, лихая!  
Гой ты, водка  
лютая, хмельная!

Бог на небе — пусть себе богует.  
Царь на троне — век ли пролюютет?  
Нету милой, нету любви, —  
чтоб ждала-скучала,  
обо мне рыдала...  
Гей, винтовка  
моя, огнеметка!  
Гей, подружка,  
солуньска молодка!

## II

Ой, кабы, любя, да были  
червонным золотом чистым  
твои ли русые косы...  
Их на коня бы, любушка, право,  
тотчас сменял я;  
с ним бы ораву  
турок проклятых прогнал я!

Ой, кабы, любя, да были  
двумя алмазами, любя,  
твои ли черные очи...  
Их на ружье бы, любушка, право,  
тотчас сменял я;  
с ним бы на славу  
турок стрелял я!

Ой, кабы, любя, да были  
жемчужным чудным монистом  
твои ли белые зубки...  
Их на саблю, любушка, право  
вмиг бы сменял я,  
ею б на славу  
турок сражал я!



### III

Темный наш лес — засада,  
гей ты, ружье-кремневка,  
люди идут с базара,  
едет надутый Лазо;  
дерево лист уронит,  
пуля Лазо догонит,  
воевода.

«Люди идут с базара,  
едет надутый Лазо;  
дерево лист уронит —  
плохая примета.  
Пуля Лазо догонит,  
сживет со света...  
Огонь чело мне сжигает,  
мука мне душу терзает,  
дружина».

Зуб за зуб, око за око,  
эх, верная клятва гайдука.  
Знают Лазо повсюду,  
кровавого ката, иуду;  
зуб за зуб, мука за муку —  
таков обычай гайдука,  
воевода.

«Знают Лазо повсюду,  
кровавого ката, иуду,  
зуб за зуб, мука за муку,  
за смерти!  
Таков обычай гайдука  
навсегда...  
Да жаль мне бедную пташку,  
Лазову дочку, бедняжку,  
дружина».

### IV

Сон мне снился, ой, не радость,  
проклятая младость,  
холм могильный, холм песчаный  
под листвой увялой.

На могиле, ой, не радость,  
проклятая младость,  
крест юнацкий деревянный,  
на нем птенчик малый.

Рано утром, ой, не радость,  
проклятая младость,  
он поет, как в жизни трудной  
сирота скитался.

А под вечер, ой, не радость,  
проклятая младость,  
он поет, как воин юный  
с жизнью расставался.

Сон мне снился, ой, не радость,  
проклятая младость,  
сон зловещий, сон нелживый —  
мой холм сиротливый...

## **Ее глаза**

Два глаза — два луча. Душа ребенка в них  
в ее глазах-лучах. И песни в них звучат...  
Не просят ничего и не сулят они.  
В моей душе мольба,  
дитя,  
в моей душе мольба!  
Напасти и судьба  
завтра их прикроют навсегда  
завесой срама и стыда.  
Завесой срама и стыда  
их не прикроют навсегда  
напасти и судьба...  
В душе моей мольба,  
дитя,  
в душе моей мольба.  
Не просят ничего и не сулят они,  
два глаза — два луча. Песни в них звучат,  
в глазах ее — лучах. Душа ребенка в них.

## Волшебница

Душа моя — смиренная рабыня,  
ей душой плененная. Отныне  
душа моя в твои глаза глядит,  
она тебя смиренно заклиняет  
и молит, молит. Год за годом тает...  
Твоя душа-волшебница молчит.

Моя душа томится жгучей жаждой,  
но все молчит в ответ на зов мой каждый  
твоя душа, дитя и божество...  
Твои глаза молчат... Не отвечает  
душа твоя. Ужель ее смущает  
волшебное свое же торжество?